

УДК 808.1

## «ЗИМНИЕ ЗАМЕТКИ О ЛЕТНИХ ВПЕЧАТЛЕНИЯХ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО КАК «ПАРАДОКСАЛЬНЫЙ» ТРАВЕЛОГ

Н.В. Константинова (Новосибирск, Россия)

### Аннотация

*Постановка проблемы.* В травелоге Ф.М. Достоевского «Зимние заметки о летних впечатлениях» возникает эффект парадоксального повествования, построенного намеренно на сопротивлении логике воспринимающего сознания, что и позволяет автору выразить свое восприятие мира.

*Материал* составляют травелоги – «Зимние заметки о летних впечатлениях» Ф.М. Достоевского, «Письма из Франции к одному вельможе в Москву» Д.И. Фонвизина, «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» Л. Стерна, «Фрегат “Паллада”» И.А. Гончарова и повесть Ф.М. Достоевского «Записки из подполья».

*Цель* статьи состоит в анализе специфики повествования в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Ф.М. Достоевского в контексте эволюции повествовательных моделей травелога.

*Обзор научной литературы.* Анализируемые исследования не были предметом научного сопоставления при изучении проблемы автора в русском документальном травелоге XIX в.

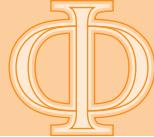
*Методология исследования.* Для осмыслиения специфики авторской «творческой лаборатории» в контексте жанра травелога в статье применяются следующие методы исследования: биографический, структурно-типологический, историко-литературный.

*Результаты исследования.* В парадоксальной логике рассказчика «Зимних заметок о летних впечатлениях» проявляется авторская установка на описание глобальных проблем коммуникации человека в социуме. С помощью формы «хаотичного письма» уже в травелоге формируются черты письма «подпольного героя», что выражается в большей степени в виде болезненного восприятия мира.

*Заключение.* Травелог Ф.М. Достоевского определяется как претекст повести «Записки из подполья», в котором обрабатывается документальный материал о реальной поездке писателя в форме парадоксального повествования, выражающего основные черты типа «подпольного сознания».

**Ключевые слова:** структура повествования, травелог, Достоевский, претекст, парадоксальная логика, подпольное сознание, «хаотичное письмо».

**П**остановка проблемы. Основу статьи составляют размышления о своеобразии описания Достоевским своей поездки, отмечаются скорее отклонения от общепринятой жанровой традиции, что и является основанием для анализа авторской модификации формы травелога. В большей степени трансформации подвергается повествовательная структура «Зимних заметок...»: как частотный прием используется комментирование штампов традиционного построения текста о путешествии, игра с читательскими ожиданиями, искажения привычных компонентов структуры (заглавие, построение глав, их последовательность). Возникает эффект парадоксального повествования, построенного



намеренно на сопротивлении логике воспринимающего сознания, что и позволяет автору выразить свое восприятие мира.

*Материал* составляют травелоги: «Зимние заметки о летних впечатлениях» Ф.М. Достоевского, «Письма из Франции к одному вельможе в Москву» Д.И. Фонвизина, «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» Л. Стерна, «Фрегат “Паллада”» И.А. Гончарова и повесть Ф.М. Достоевского «Записки из подполья».

*Цель* статьи подразумевает выявление специфики повествования в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Ф.М. Достоевского в контексте эволюции повествовательных моделей травелога, определение принципов соотношения в тексте события путешествия и события рассказывания о нем.

*Обзор научной литературы по теме.* Анализируемые исследования не были предметом научного сопоставления при изучении проблемы автора в русском документальном травелоге XIX в.

*Методология исследования.* Для осмыслиения специфики авторской «творческой лаборатории» в контексте жанра травелога в статье применяются следующие методы исследования: биографический, структурно-типологический, историко-литературный. С помощью системного подхода обеспечивается аналитическое описание функции «парадоксальной» логики повествования в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Ф.М. Достоевского.

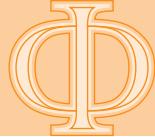
*Результаты исследования.* В исследовательских работах [Брусовани, Гальперина, 1988; Новикова, 1998; Назиров, 1982; 2014; Захаров, 2013] традиционно говорится, что в «Зимних заметках о летних впечатлениях» не совпадают сведения о реальном путешествии писателя по Европе, что было отражено в письмах с рассказами о поездке. Вместо принятых описаний маршрута, объектов чужого мира на первый план выходят рефлексия рассказчика, путешественника, его суждения о разных вопросах. В частности, наиболее показательными являются рассуждения о способе описания путешествия, сосредоточенность пишущего на событии рассказывания. Именно логика повествования о путешествии становится способом выражения авторской установки.

Так, исследуя поэтику хронотопа в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Достоевского, В.Н. Захаров указывает на существенное отличие художественного хронотопа от реального путешествия. Это выражается в отсутствии «туристических» описаний, а также в том, что «повествование развивается в двух измерениях времени и пространства: “летом” и “зимой”, в Европе и в России, в Лондоне-Париже и в Петербурге, в “европейской” и в “русской” Европе» [Захаров, 2013, с. 183]. По мнению исследователя, таким способом выражается ключевая «проблема “русского отношения” к Европе, которая осознана как проблема выбора исторического пути России» [Там же]. Организация повествования демонстрирует авторский вариант разговора с читателем о важных национальных и нравственных проблемах на материале описания путешествия. Травелог становится формой, внутри которой организуется автором сложная коммуникация с читателем о глобальных вопросах.

«Притворяясь документом», объективным повествованием о реальном путешествии (рассказчик постоянно ссылается на свою записную книжку, которую вел во время перемещения по Европе), текст в большей степени ориентирован на литературную традицию, выражает творческие установки автора как писателя. По замечанию И.А. Поплавской, смысл особой позиции автора заключается в том, чтобы «воспринимать путешествие как литературный факт, благодаря которому происходит осуществление особой “миссионерской функции” автора» [Поплавская, 2022, с. 18]. Таким образом, травелог Достоевского становится «творческой лабораторией» автора, «травелогом о травелоге», поиском формы и логики повествования, авторским экспериментом, ориентированным на предшествующую традицию и собственное творчество.

В связи с этим ключевая установка рассказчика – это «бунт» путешественника против устоявшихся принципов/способов описания путешествия по Европе, что выражается в парадоксальной логике организации повествования о путешествии, намеренном разрушении всех возможных канонов, авторитетов, стремлении к свободе пишущего. «Бунт» также выражает особенности парадоксального сознания личности – будущего «человека из подполья», «парадоксалиста». Путешествие как литературный факт дает возможность увидеть «творческую лабораторию» в большей степени автора-писателя, а не автора-путешественника. Текст обнаруживает, с одной стороны, множество претекстов, на которые он ориентирован и с которыми полемизирует, с другой – мы наблюдаем эксперименты с новым типом героя: изображается «парадоксальное» сознание, воспринимающее мир по-особому и выражающее себя на письме с помощью особого «лазеичного слова», в непривычной для читателя манере повествования.

В самом начале повествования автор актуализирует для читателя очевидную связь своего текста с травелогом И.А. Гончарова, что выражается практически в буквальном повторении рассказчиком вопросов, связанных не только с тем, о чем писать, но и как писать, будучи путешественником: «Что я вам напишу? Что расскажу нового, еще неизвестного, нерассказанного?» [Достоевский, 1973, с. 47]. Сравним: «Но, как и что рассказывать и описывать?» [Гончаров, 1997, с. 34]. Как и рассказчик Гончарова, путешественник Достоевского далее иронизирует над стереотипностью восприятия читателем подобных историй и воскликает совсем уже по-карамзински: «А! – воскликаю я, так вам надобно простой болтовни, легких очерков, личных впечатлений, схваченных на лету. На это согласен и тотчас же справлюсь с записной моей книжкой. И простодушным быть постараюсь, насколько могу!» [Достоевский, 1973, с. 47]. Ирония направлена и на форму повествования, и на стиль описания события путешествия, и на необходимость использования достоверных фактов («записной книжки»), т.е. на все «общие места», устоявшийся «арсенал» автора травелога. Текст Достоевского строится одновременно и на имитации традиционного дискурса травелога, и на отстранении от него («автора это знает, но делать будет по-другому»).



Уже на первых страницах обнаруживаются многочисленные рассуждения рассказчика по поводу того, «как писать», почему невозможно так писать; несовпадение планов «видеть/разглядеть», «рассказать / в порядке записать»: «...вы специально знаете, что мне особенно нечего рассказывать, а уж тем более в порядке записывать, потому что я сам ничего не видел в порядке, а если что и видел, то не успел разглядеть» [Достоевский, 1973, с. 48]. При этом намеренно комментируется и специфика записок путешественника (необходимость лгать, невозможность достоверности): «Итак, вы видите, друзья мои: в два с половиной месяца нельзя верно всего разглядеть, и я не могу доставить вам самых точных сведений. Я поневоле должен иногда говорить неправду» [Там же, с. 62].

В частности, в тексте неоднократно обозначается установка на непритязательность, непосредственность, спонтанность повествования – «от нечего делать», «некогда изъясняться яснее»: «Совсем я так и не думаю и не намерен думать, и даже напротив... Жаль только, что объясниться яснее мне теперь некогда. А кстати: уж не думаете ли вы, что я вместо Парижа в русскую литературу пустился? Критическую статью пишу? Нет, это я только так, от нечего делать» [Там же, с. 54].

Предметом авторской рефлексии становятся и соотношение вымысла и правды, субъективного и объективного начал в тревелоге, выбор фокуса изображения чужого мира: что сделать центром повествования – чужой мир, его особенности, ситуацию путешествия или впечатления и эмоции путешественника. Подобные размышления выражаются в диалоге рассказчика с предполагаемыми читателями: «Вы говорите, что на этот раз вам и не надобно точных сведений... что, напротив, было бы вовсе недурно, если бы каждый путешественник гонялся не столько за абсолютной верностью (которой достичь он почти всегда не в силах), сколько за искренностью <...> Вам надобны только собственные, но искренние мои наблюдения» [Там же, с. 64]. И доверительный тон, и нарочитая искренность, выражая стремление угодить, предвосхитить желание читателя, имплицитно демонстрируют авторскую иронию по поводу шаблонного восприятия истории о путешествии (необходимости точно отвечать на вопрос, «как надобно писать, будучи путешественником»): «И простодушным быть постараюсь, насколько могу. Прошу только помнить, что, может быть, очень многое, что я вам напишу теперь, будет с ошибками. Разумеется, не все же с ошибками... Оно, конечно, между Петром и Павлом есть разница, но все-таки как-то неприлично для путешественника...» [Там же, с. 70]. Вопрос Гончарова – почему «так тесно писать» путешественнику, стремление к авторской свободе в «Зимних заметках...» Достоевского еще более заостряется. Автор постоянно иронизирует над разными вариантами читательского восприятия тревелогов: об объективном повествовании («точные сведения», нет субъективной оценки повествователя) и субъективном («искренние мои наблюдения» как элемент «камзинского канона», в котором личность путешественника выходит на первый план). На своеобразной игре с читателем, имитации разных точек зрения

на восприятие травелога строится авторская «логика» повествования о поездке. Любая форма/рамка/традиция, которая намечается в тексте, сразу разрушается, пародируется, обнажая своеобразный бунт рассказчика как создателя травелога. Для этого же имитируется и провозглашается спонтанность повествования, способствующая созданию эффекта достоверности, искренности рассказчика. Также Достоевский организует своеобразное подобие полифонии: он выделяет разные типы читателей и каждому предлагается свой вариант разговора, диалог, по сути, выстраивается как полилог. Деление на главы выстраивается по принципу гипертекста, что провозглашается как свобода мнений и восприятия. Автор такой формой повествования «бунтует» против ограничений в травелоге, против сложившихся стереотипов. Установка на парадоксальность выскакивания путешественника создает эффект читательской и авторской свободы.

Воображаемому читателю предоставляется возможность самому выстраивать/варьировать композиционную структуру текста (читать отдельные фрагменты или исключать из повествования), о чем свидетельствует название третьей главы «И совершенно лишняя» и постоянные комментарии повествователя по этому поводу: «Впрочем, других читателей надобно выгородить, а для этого выключу-ка я все эти размышления нарочно в особую главу и назову ее лишней. Вы-то над ней поскучаете, а другие, как лишнюю, могут и выкинуть» [Достоевский, 1973, с. 54].

Вовлечение читателей в авторский процесс создает эффект спонтанности замысла, внезапности решений. Разные типы читателей получают свою степень свободы обращения с текстом – «читатель-друг», «читатель-другой», при этом «читатель-друг» как создатель первоначального запроса должен следовать за рассказчиком, подчиняться его воле (с друзьями можно и покороче, пусть будет скучно и вам), а «другой читатель» получает свободу (с читателем нужно обращаться осторожно и совестливо).

Обращает на себя внимание и выделение особого эмоционального состояния путешественника – скуки (как и в травелоге Гончарова), чем объясняет рассказчик свое желание написать лишнюю главу, чтобы и читателю было скучно. Парадоксальная логика повествования выражает авторскую иронию в адрес еще одного требования к автору травелога – необходимость сделать историю о путешествии занимательной и обязательно интересной читателю.

Разделение самого путешествия и времени его описания также иронично разъясняется в разговоре с читателями, автор (как всегда) «предвидит» недоумение и каверзные вопросы: «Да что же это, – прибавит третий. Обо всем этом вы сами пишите, что слышали недавно, а путешествовали летом. Как же вы могли обо всем этом в вагоне тогда еще думать? Вот это так действительно задача, – отвечаю я, – но позвольте: ведь это зимние воспоминания о летних впечатлениях. Так уж к зимним и примешалось зимнее» [Достоевский, 1973, с. 57]. Оправдание рассказчика в определенной степени раскрывает и феномен названия текста, имитирующего скорее стиль фельетона, а не травелога. Актуализация временной дистанции между событием путешествия и событием рассказывания



обнаруживает еще один предмет авторской рефлексии по поводу принципов создания травелога: как оформляется ретроспективный тип повествования, каким образом искажаются/модифицируются объективные сведения, меняется фокус изображения реальности (как «к зимним примешалось зимнее»).

Автор в своем повествовании задает разные точки зрения воспринимающего сознания. К уже упомянутому делению читателей на типы прибавляется еще один разделяющий их критерий – читатели-путешественники и не путешественники (четвертая глава называется «И не лишняя для путешественников»). В соответствии с этим выстраивается еще одна возможная повествовательная комбинация: один может не читать третью главу, другой должен прочитать четвертую. Традиционная повествовательная рамка нарушается: в начало помещается часть «Вместо предисловия», в finale отсутствует привычное заключение. Новаторство повествовательной формы Достоевского проявляется не только в игре с читателем, но и в особенности позиции путешественника (не такой, как все, ставится под сомнение традиционный способ осмотра другого мира): «Да и терпеть я не мог, за границей, осматривать по гиду, по заказу по обязанности путешественника, а потому и просмотрел в иных местах такие вещи, что даже стыдно сказать» [Достоевский, 1973, с. 58].

Парадоксальная логика выражается и в требованиях свободы для построения своего текста. Путешественник пытается снять с себя ответственность за написанное, а для этого постоянно договаривается с читателем: «Но, друзья мои, ведь предупредил же я вас еще в первой главе этих заметок, что, может быть, ужасно наврь. Ну и не мешайте мне. Вы знаете, тоже, наверное, что, если я и наврь, будучи убежден, что не вру. А, по-моему, этого уже слишком довольно. Ну так и дайте мне свободу» [Там же, с. 72]. Рассказчик комментирует возможные реакции читателя на его манеру описывания, форму повествования и т.д., сами эти возможные реакции, по сути, представляют собой шаблонные представления о способах создания травелога: «Да что вы думаете, что я с насмешкой пишу, виню кого-нибудь ... О, ничуть и нисколько. Да я-то кто такой, чтоб винить? <...> вы закричите, что я преувеличиваю, что это все желчная, патриотическая клевета, что не могло же все это остановиться совсем, в самом деле; пожалуйста, не обвиняйте меня» [Там же, с. 81, 82].

Авторская игра с читателем сопровождается самоиронией, насмешкой рассказчика над своей неспособностью к порядку, системе, невозможностью самоорганизовать себя: «Да когда ж это, господи, я приучусь к порядку...» [Там же, с. 82]. Сочетание иронии и пафоса также обнаруживает парадоксальность позиции рассказчика, который карнавализует, обличает, иронизирует, бунтует и в то же время призывает, утверждает, выражает устойчивую нравственную и философскую позицию.

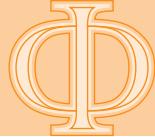
Специфика авторской установки выражается и за счет усложнения структуры повествования, совмещения разных точек зрения на мир, отсылок к предшествующей традиции. Феномен парадоксальности травелога Достоевского определяет

и характер связи с различными претекстами. Так, важную функцию выполняют аллюзии к «Сентиментальному путешествию по Франции и Италии» Л. Стерна. Рассказчик Стерна выделяет типологию путешественников и акцентирует внимание на особом типе – «чувствительном путешественнике» [Стерн, 1968, с. 5], с которым он себя и ассоциирует, характеризуя этот тип как принципиальное новаторство по сравнению с другими текстами о путешествии. Своих читателей он тоже пытается дифференцировать как путешественников, ориентируясь на указанные типы. Путешествие как самопознание, как способ самоанализа иронически обыгрывается Достоевским. Выделение типов путешественников и позволило Стерну вести своеобразную повествовательную игру, сходство с которой можно увидеть в травелоге Достоевского. При этом функционально игра с читателями в большей степени направлена на выражение разных точек зрения самого рассказчика.

Кроме того, у Стерна упоминается некий путешественник, с которым соотносится рассказчик Достоевского. Отмечается, что ученый Смельфунгус совершил путешествие из Булони в Париж – из Парижа в Рим, но так как он отправился в дорогу, «страдая сприном и развитием желчи», каждый предмет, попадавшийся ему на пути, «обесцвечивался и искажался». Впоследствии он написал отчет о своей поездке, но то был лишь «отчет о его дрянном самочувствии». У Достоевского рассказчик почти дословно повторяет оправдание Смельфунгуса, объясняя свое впечатление от Берлина: «Решительно от того, что я, больной человек, страдающий печенью, двое суток скакал по чугунке сквозь дождь и туман до Берлина и, приехав в него, не выспавшись, желтый, усталый, изломанный, вдруг с первого взгляда заметил, что Берлин до невероятности похож на Петербург» [Достоевский, 1973, с. 47]. Физическим состоянием он оправдывает и свое восприятие Рейнского водопада, ироническая отсылка к карамзинскому путешественнику, как и в других случаях, маркирует «общие места» чувствительного путешествия.

Еще одним претекстом травелога Достоевского, очевидно проявленным в повествовании, являются «Письма из Франции к одному вельможе в Москву» Д.И. Фонвизина [Фонвизин, 1806]. Рассказчик Достоевского упоминает провокационную фразу из «Писем...» Фонвизина: «Рассудка француз не имеет, да и иметь его почел бы за величайшее для себя несчастье» [Достоевский, 1973, с. 50]. В претексте она звучит так: «Рассудка француз не имеет, и иметь его почел бы несчастьем своей жизни: ибо онъ заставил бы его размышлять, когда он может веселиться. Забава есть один предмет его желаний» [Фонвизин, 1806, с. 4]. Стратегия разоблачения, характерная для писем Фонвизина, очень близка рассказчику травелога Достоевского.

По мнению А. Стричека, Фонвизин «все огульно отрицает», так как ему «уж слишком хочется разоблачить перед всем миром необоснованность французского мифа» [Стричек, 1994, с. 316]. Но такая авторская задача имеет определенное основание: «...в то время, как он определяет “национальный характер” французов, ум его занят поисками своего русского “я”» [Там же]. Так в травелоге



возникает оппозиция свой/чужой, благодаря которой происходит национальная самоидентификация личности, что часто впоследствии проявлялось в текстах русских авторов-путешественников (Жуковского, Гоголя, Гончарова, Пушкина и т.д.). Одна из важных задач Фонвизина – раскрыть сущность «русского национального характера». Показательна в этом отношении его автокоммуникация: фраза о русских – «не доросли до европейцев» – вводит карикатурный образ «русского Недоросля», который не дорос до европейца. Очевидно, что так автор высмеивает моду на все европейское, развенчивает миф о европейском рае, разрушает стереотипные представления о просвещенности европейцев, воспитанности французов. Путешественник Достоевского продолжает развивать эту ироническую установку: «Ну теперь уж не то, и Петербург взял свое. Теперь уж мы вполне европейцы и доросли» [Достоевский, 1973, с. 50].

Достоевский использует фразу Фонвизина как рефрен, воспроизводит ее в каждой части своих записок. Более того, путешественник Достоевского комментирует и предполагаемое внутреннее ощущение пишущего Фонвизина («Эту фразу написал еще в прошлом столетии Фонвизин, и, боже мой, как, должно быть, весело она у него написалась. Бьюсь об заклад, что у него щекотало от удовольствия на сердце, когда он ее сочинял» [Там же, с. 52]), и реакцию на фразу («И кто знает, может, и все-то мы после Фонвизина, три-четыре поколенья сряду, читали ее не без некоторого наслаждения» [Там же, с. 52]). Комментарий – «Фраза весело у Фонвизина написалась» – можно понимать как жест присоединения к полемической традиции описания путешествия в Европу, но в то же время он «выдает» авторское, личное, чувство писательской солидарности.

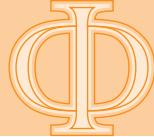
Автор «Писем из Франции...» профанирует популярное представление о Франции как мифологеме [Тризно, 2013], создает пародию на официальную культуру, используя насмешливый тон повествования, ироничные комментарии рассказчика. Манера Фонвизина угадывается в травелоге Достоевского. Ему близки и многие его приемы, снижающие пафос восприятия европейского мира. В этом отношении особенно интересно проявляется своего рода «телесная» карнавализация. Таким способом травелог встраивается в своеобразный диалог, полилог, с другими текстами и писателями, близкими автору по восприятию Европы или по манере выражать свои убеждения.

Кроме того, «Зимние заметки...» представляют особый интерес в аспекте писательской автокоммуникации, и с этой точки зрения рассматриваются нами как претекст «Записок из подполья», опубликованных позже, в 1864 г. Исповедь «пародоксалиста» подготавливается рассуждениями рассказчика в «Зимних заметках...». По замечанию Е.К. Созиной, «Записки из подполья» являются «переломным произведением Достоевского, где он заявил решительное право индивидуальности на свое жизнестроение» [Созина, 2006, с. 77]. Выявление параллелей между травелогом и повестью, сопоставление способов выражения повествовательных точек зрения представляют особый интерес в аспекте проблемы авторского

самопредъявления. Как отмечалось многими исследователями, маркером «подпольного героя» является «лазеичное слово», «слово с оглядкой», направленное как вовне (о других), так и внутрь (о себе). Слово рассказчика в травелоге, повествующее не только об истории путешествия, но и о событии рассказывания, строится похожим способом. При этом функционально оно разворачивается несколько иначе: пародийная повествовательная направленность вовне (имитация полемики с читателями) соотносится с авторской рефлексией, опосредованной ироничным рассказчиком и направленной на изображение самого процесса письма.

Травелог для Достоевского становится удобной формой для творческих – авторских – экспериментов. «Записки из подполья» при детальном рассмотрении оказываются буквально сотканными из различных элементов «Зимних заметок...». В начале повествования «Записок из подполья» герой называет себя больным человеком, чем и объясняет свое состояние, взгляд на мир: «Я человек больной... Я злой человек. Непривлекательный я человек. Я думаю, что у меня болит печень» [Достоевский, 1973, с. 90]. Гипертрофированное внимание к телесности не только карнавализует подпольного человека, но и обнажает его внутренний конфликт, типичный для ранних героев Достоевского – раздвоенность сознания, «болезнь духовную». Физический недуг становится метафорическим изображением нравственной идеи, которая «губит», «разъедает» человека. Пародокалист обнаруживает ту же логику рассуждения, что и путешественник в «Зимних заметках...»: объясняет свое восприятие, точнее, неприятие европейских городов больной печенью. Метафора болезни определяет и семантику письма, которое характеризуется «подпольным героем» как способ излечения, своего рода психотерапия («мне так легче»), воспринимается как «пустая форма», занятие для себя («читателей не будет»). Как и путешественник, герой «Записок из подполья» намеренно бунтует против устоявшихся канонов письма, стремится нарушить любой порядок: «Я ничем не хочу стесняться в редакции моих записок. Порядка и системы заводить не буду. Что припомнится, то и запишу» [Там же, с. 121]. Можно сказать, что по типу повествования травелог становится основой для «Записок из подполья». «Параллельные места» можно продолжить.

Так, среди лондонских достопримечательностей путешественник особо отмечает Хрустальный дворец, который был выстроен из стекла и металла ко Всеобщей выставке 1851 г., позже перенесен на новое место, где с 1854 г. находилась постоянная экспозиция достижений мировой цивилизации. Это то самое здание, которому мечтал показать язык подпольный пародокалист, герой «Записок из подполья». Как общее основание чаще выделяется идеология героев: «герой подполья воплощает в себе конечные результаты „оторванности от почвы“, как она рисовалась Достоевскому», – и потому этот персонаж «не только обличитель, но и обличаемый», не герой, но «антигерой», по выражению самого автора [Скафтымов, 1972, с. 90, 116]; проповедуя свободу, подпольный человек в действительности ратует за «свободу от выбора, от обязывающих решений», проявляя эгоцентризм [Назиров, 1982].



Физическое болезненное состояние рассказчиков (путешественника и «подпольного героя») на авторском уровне коррелирует с картиной разрушающейся действительности, с болезненным мировосприятием. Повествование зеркально отражает внутреннее состояние личности, внутренние противоречия и нравственные поиски. Взаимодействие разных точек зрения в поле сознания рассказчика позволяет выявить диалогичность позиции автора по отношению к различным глобальным проблемам. Болезненность рассказчика / восприятие чужого мира сквозь призму своего физического состояния – устойчивый прием многих будущих произведений Достоевского (оправдание болезнью своего поведения, своих мыслей, восприятия мира «человеком из подполья» (Раскольников – сон на каторге)). Физическая болезнь используется как способ выражения нравственной болезни, своего рода экспликации экзистенциальных нарушений, дисбаланса духовного, нравственного разрушения личности.

*Заключение.* Таким образом, текст Ф.М. Достоевского «Зимние заметки о летних впечатлениях» представляет собой пример авторского эксперимента с повествовательной структурой трапелога. Форма повествования текста о событии путешествии усложняется, намеренно искажается привычный способ моделирования документального материала, что выражается в создании парадоксальной логики путешественника. Трапелог Достоевского, ориентируясь на наиболее популярные претексты – стерновский, карамзинский, фонвизинский, гончаровский – в свою очередь, имитирует диалог с читателем, создает эффект достоверности, подлинности событий, при этом одновременно разрушает все возможные каноны и шаблонные формы, превращает искусственный диалог (полилог) в монолог, утверждая невозможность коммуникации. В парадоксальной логике рассказчика проявляется авторская установка на описание глобальных проблем взаимодействия человека с миром, с другим человеком. С помощью формы «хаотичного письма» («порядка наводить не буду») в трапелоге формируются черты письма «подпольного героя», выражается болезненное восприятие мира. Трапелог превращается в претекст повести «Записки из подполья», становится «творческой лабораторией» Достоевского как писателя, моделирующего документальный материал о реальной поездке в Европу в форме парадоксального повествования, раскрывающего тип «подпольного сознания», воспринимающего процесс тексто-порождения как автокоммуникацию, самооправдание, «самоизлечение».

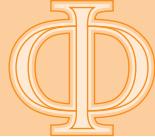
### Библиографический список

1. Безруков А.Н. Феноменология путешествия в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Ф.М. Достоевского // Русский трапелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы. Новосибирск, 2016. С. 183–200.
2. Брусовани М.И., Гальперина Р.Г. Заграничные путешествия Ф.М. Достоевского 1862 и 1863 гг. // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1988. Т. 8. С. 272–292.

3. Гончаров И.А. Фрегат «Паллада» // Гончаров И.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. СПб.: Наука, 1997. Т. 2. 745 с.
4. Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 5. С. 99–179.
5. Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 5. С. 46–98.
6. Захаров В.Н. Поэтика хронотопа в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т, 2013. № 11. С. 180–201.
7. Назиров Р.Г. Творческие принципы Ф.М. Достоевского. Саратов, 1982. С. 60–61.
8. Назиров Р.Г. Творчество Ф.М. Достоевского. Проблематика и поэтика: учебное пособие. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. 126 с.
9. Новикова Е.Г. «Путешествие в Арзрум» А.С. Пушкина и «Зимние заметки о летних впечатлениях» Ф.М. Достоевского: путешествие как паломничество и миссионерство // Пушкин и Достоевский: материалы для обсуждения: Международная научная конференция, 21–24 мая 1998 г. Новгород Великий; Старая Русса, 1998. С. 22–29.
10. Поплавская И.А. «Зимние заметки о летних впечатлениях» Ф.М. Достоевского и проблема нациестроительства // Critic. 2022. № 20, ч. 3. С. 10–18.
11. Скафтымов А. Нравственные искания русских писателей. М., 1972. 543 с.
12. Созина Е.К. Эволюция русского реализма XIX в.: семиотика и поэтика: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. 124 с.
13. Стерн Л. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. М.: Художественная литература, 1968. 715 с.
14. Стричек А. Денис Фонвизин. Россия эпохи Просвещения / пер. с фр. Е. Демьяновой, А. Каменского. М.: Прометей, 1994. 510 с.
15. Тризно О.А. Черты карнавальной эстетики в «Письмах из Франции» Д.И. Фонвизина // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 367. С. 21–23.
16. Фонвизин Д.И. Письма из Франции к одному вельможе в Москву // Вестник Европы. 1806. № 9. С. 3–22.
17. Эйхенбаум Б. О прозе. О поэзии. Л.: Художественная литература, 1986. 453 с.

### **Сведения об авторе**

Константинова Наталья Владимировна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе, Новосибирский государственный педагогический университет; AuthorID: 2068-2014; ORCID: 0000-0002-7329-9977; e-mail: scribe2@yandex.ru



# WINTER NOTES ON SUMMER IMPRESSIONS BY F.M. DOSTOEVSKY AS A ‘PARADOXICAL’ TRAVELOGUE

N.V. Konstantinova (Novosibirsk, Russia)

## Abstract

*Statement of the problem.* In F.M. Dostoevsky’s travelogue *Winter Notes on Summer Impressions*, there is an effect of a paradoxical narrative that is intentionally built on the resistance of the logic of the perceiving consciousness, which allows the author to express his perception of the world.

The material consists of travelogues: Fyodor Dostoevsky’s *Winter Notes on Summer Impressions*, Denis Fonvizin’s *Letters from France to a Nobleman in Moscow*, Laurence Sterne’s *A Sentimental Journey through France and Italy*, Ivan Goncharov’s *Frigate Pallada*, and Fyodor Dostoevsky’s novella *Notes from Underground*.

*The purpose of this article* is to analyze the narrative structure of Fyodor Dostoevsky’s *Winter Notes on Summer Impressions* in the context of the evolution of travelogue narrative models.

*Review of scientific literature.* The studies analyzed have not been the subject of scientific comparison in the study of the Russian documentary travelogue of the 19th century by the author of the paper.

*Research methodology.* To understand the specifics of the author’s ‘creative laboratory’ in the context of the travelogue genre, the following research methods are used in the article: biographical, structural-typological, and historical-literary.

*Research results.* In the paradoxical logic of the narrator of *Winter Notes on Summer Impressions*, the author’s intention to describe the global problems of human communication in society is manifested. Through the form of ‘chaotic writing’, the features of the ‘underground hero’s’ writing are already formed in the travelogue and are expressed more in the form of a painful perception of the world.

*Conclusion.* Fyodor Dostoevsky’s travelogue is defined as the pretext of the novella *Notes from Underground*, which processes documentary material about the writer’s real trip in the form of a paradoxical narrative that expresses the main features of the ‘underground consciousness’ type.

**Keywords:** narrative structure, travelogue, Dostoevsky, pretext, paradoxical logic, underground consciousness, ‘chaotic writing’.

## References

1. Bezrukov A.N. Fenomenologiya puteshestviya v “Zimnikh zametkakh o letnikh vpechatleniyah” F.M. Dostoevskogo [Phenomenology of Travel in F.M. Dostoevsky’s “Winter Notes on Summer Impressions”]. In: *Russian Travelogue of the 18th–20th Centuries: Routes, Topoi, Genres, and Narratives*. Novosibirsk, 2016, 183–200.
2. Brusovani M.I., Galperina R.G. Zagranichnye puteshestviya F.M. Dostoevskogo 1862 i 1863 gg. [F.M. Dostoevsky’s Foreign Travels in 1862 and 1863]. In: *Dostoevsky. Materials and Research*. Leningrad, Nauka, 1988, 8, 272–292.
3. Goncharov I.A. Fregat “Pallada” [Frigate Pallada]. In: *Complete Works and Letters: in 20 volumes*. St. Petersburg, Nauka, 1997, 2. 745 p.

4. Dostoevsky F.M. *Zapiski iz podpol'ya* [Notes from Underground]. In: *Dostoevsky, F.M. Complete Works in 30 Volumes*. Leningrad, Nauka, 1973, 5, 99–179.
5. Dostoevsky F.M. *Zimnie zametki o letnikh vpechatleniyakh* [Winter Notes on Summer Impressions]. In: *Dostoevsky, F.M. Complete Works in 30 Volumes*. Leningrad, Nauka, 1973, 5. 46–98.
6. Zakharov V.N. *Poehtika khronotopa v "Zimnikh zametkakh o letnikh vpechatleniyah"* Dostoevskogo [Poetics of Chrono-topos in Dostoevsky's Winter Notes on Summer Impressions]. In: *Problems of Historical Poetics*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University, 2013, 11. 180–201.
7. Nazirov R.G. *Tvorchestvo F.M. Dostoevskogo. Problematika i poehtika* [Creativity of Fyodor Dostoevsky. Problems and Poetics]: Textbook. Ufa, RIC BashSU, 2014. 126 p.
8. Nazirov R.G. *Tvorcheskie principy F.M. Dostoevskogo* [Creative Principles of Fyodor Dostoevsky]. Saratov, 1982, 60–61.
9. Novikova E.G. “*Puteshestvie v ArzruM*” A.S. Pushkina i “*Zimnie zametki o letnikh vpechatleniyah*” F.M. Dostoevskogo: *puteshestvie kak palomnichestvo i missionerstvo* [“A Journey to Arzrum” by A.S. Pushkin and “Winter Notes on Summer Impressions” by F.M. Dostoevsky. In: *Journey as a Pilgrimage and Missionary Work*. In: *Pushkin and Dostoevsky: Materials for Discussion: International Scientific Conference*. May 21–24, 1998. Novgorod the Great; Staraya Russa, 1998, 22–29.
10. Poplavskaya I.A. “*Zimnie zametki o letnikh vpechatleniyah*” F.M. Dostoevskogo i problema naciestroitel'stva [“Winter Notes on Summer Impressions” by F.M. Dostoevsky and the Problem of Nation-Building]. In: *Critic*, 2022, 20, 3, 10–18.
11. Skaftymov A. *Nravstvennye iskaniya russkikh pisatelej* [Moral Quests of Russian Writers]. Moscow, 1972. 543 p.
12. Sozina E.K. *Ehvolyuciya russkogo realizma XIX v.: semiotika i poehtika* [The evolution of Russian realism in the 19th century: semiotics and poetics]: a textbook. Yekaterinburg, Ural Publishing House. University, 2006. 124 p.
13. Stern L. *Sentimental'noe puteshestvie po Francii i Italii* [A sentimental journey through France and Italy]. Moscow, Fiction, 1968. 715 p.
14. Strychek A. Denis Fonvizin. *Rossiya ehpokhi Prosveshcheniya* [Denis Fonvizin. Russia in the Age of Enlightenment]. Translated from French by E. Demyanova and A. Kamensky. Moscow, Prometheus, 1994. 510 p.
15. Trizno O.A. *Cherty karnaval'noj ehstetiki v “Pis'makh iz Francii” D.I. Fonvizina* [Features of Carnival Aesthetics in D.I. Fonvizin's Letters from France]. In: *Bulletin of Tomsk State University*, 2013, 367, 21–23.
16. Fonvizin D.I. *Pis'ma iz Francii k odnomu vel'mozhe v Moskvu* [Letters from France to a Nobleman in Moscow]. In: *Bulletin of Europe*. 1806, 9, 4.
17. Eikhenbaum B. *O proze. O poezhii* [On Prose. On Poetry]. Leningrad, Khudozhestvennaya Literatura, 1986. 453 p.



### About the author

Konstantinova, Natalya V. – DSc (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature and Methods of Teaching Literature, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia); AuthorID: 2068-2014; ORCID: 0000-0002-7329-9977; e-mail: scribe2@yandex.ru